

A detailed illustration of a fantastical landscape. In the background, a massive, dark grey gothic cathedral with multiple spires and intricate stonework is built on a high, rocky mountain peak. Waterfalls cascade down the sides of the mountain, creating mist and pools of water. The foreground is dominated by autumnal trees with vibrant orange and red leaves. A person, seen from behind, stands on a rocky path, looking towards the cathedral. The sky is filled with soft, white clouds and a few birds in flight. The overall atmosphere is one of awe and mystery.

Диана Луч

ДИТЯ КРОВИ

ДОМ КРОВИ

Диана Луч
Дитя крови

«Автор»

2026

Луч Д. А.

Дитя крови / Д. А. Луч — «Автор», 2026 — (дом крови)

Когда перед тобой встаёт выбор спасти себя или, всё же нарушив равновесие мира, спасти близких, что же ты выберешь? Так и перед Евой встал этот нелёгкий выбор.

© Луч Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дитя крови

Глава

Вступление

Дорогой читатель,

прежде чем ты откроешь первую страницу этой истории, я хочу сказать тебе кое-что важное. Эта книга — не просто вымысел, не просто набор слов, сложенных в предложения. Это приглашение заглянуть за грань привычного, туда, где реальность истончается, а тени обретают собственный голос.

Я пишу это не для того, чтобы напугать тебя. Я пишу, чтобы напомнить: в каждом из нас живёт тьма, и в каждом — свет. Иногда они меняются местами, и тогда мир вокруг становится странным, пугающим, но невыносимо притягательным. Ты ведь тоже замечал это? Когда в пустой комнате вдруг скрипнет половица, когда в зеркале на долю секунды мелькнёт чужое отражение, когда ночной ветер доносит обрывки шёпота, который никто не произносил.

В этом романе ты встретишь героев, которые, возможно, окажутся ближе к тебе, чем кажется на первый взгляд. Их страхи — это наши страхи. Их надежды — это то, что заставляет нас жить дальше. Я хочу, чтобы ты прошёл этот путь вместе с ними. Не как сторонний наблюдатель, а как тот, кто стоит на самом краю пропасти и чувствует дыхание бездны. Ты будешь слышать их мысли, ощущать их дрожь, разделять их сомнения. И, может быть, узнаешь в них себя.

Открой книгу. Сделай вдох. И помни: иногда самые страшные чудовища живут не в лесах и не в старых замках, а в глубине собственной души. Они прячутся за нашими слабостями, питаются нашими тайнами и ждут своего часа. Но не бойся смотреть им в глаза. Ведь только тот, кто осмелится признать их существование, сможет победить.

Добро пожаловать в мир, где магия и реальность переплетаются так тесно, что их уже не разделить. Где каждый выбор имеет свою цену, а каждая тайна рано или поздно выходит на свет.

Пролог

Я проснулась от страха, который был холодным и липким, как мокрая простыня. В комнате стояла тишина, но это была не та тишина, что приносит покой. Это была тишина, которая ждёт. Ждёт, когда ты сделаешь вдох, когда пошевелишься, когда признаешь, что ты здесь не одна.

Я села на кровати и начала искать ЕЁ. Кровать была пуста. Подушка не смята. Но запах... этот проклятый запах духов всё ещё висел в воздухе, как призрак. Он говорил о том, что ОНА была здесь. И совсем недавно.

Я опустила ноги на пол. Доски скрипнули — этот звук всегда казался мне чужим, будто дом жаловался на что-то. Я вышла в коридор. Тени от утреннего солнца лежали

на стенах, как уродливые кляксы. Я не стала включать свет. Иногда темнота безопаснее.

На кухне пахло кофе и чем-то ещё... чем-то сладким и тревожным. Я остановилась в дверях. Сердце билось где-то в горле. Я поняла: сегодня всё будет иначе. Что-то изменилось. Что-то сломалось.

Кофе уже стояло на столе. Слуги знали: я всегда просыпаюсь рано. К шести утра всё было готово. *«Так, время значит шесть», * — подумала я.

Я села за стол и принялась за завтрак. И тут я почувствовала — сзади кто-то есть.

Это была она.

— И давно ты приехала? — спросила я, не оборачиваясь.

Венера обняла меня сзади. Её смех был похож на звон разбитого стекла.

— Не хотела тебя будить просто...

Я поставила чашку на стол. Руки чуть дрожали.

— Ты пахнешь по-другому.

Венера замерла. Её руки соскользнули с моих плеч. В кухне повисла тишина.

— Что?..

Я обернулась. Её лицо было совсем близко. Те же глаза. Та же улыбка. Но что-то в них изменилось.

— Ничего. Просто показалось.

Но я знала: ничего не показалось.

Я понимала, для чего она тут. Она ждала, когда я всё ей расскажу. Но пока она молчала. Просто села напротив и смотрела на меня. В её взгляде была та самая грусть, которую я заметила ещё при нашей первой встрече — древняя, будто она видела слишком много.

— Думаешь, пора? — спросила я.

Она взглянула на меня, и её золотые крылья за спиной расправились — огромные, сияющие мёртвым светом.

— Ты ведь знаешь, что я не могу уйти, пока ты не скажешь правду. Не мне. Себе.

Я опустила глаза в чашку с остывшим кофе. Я не хотела говорить.

Венера медленно сложила крылья.

Запах в комнате сменился на пряный аромат — густой, тревожный, словно кто-то жёг сухие травы на старом кладбище.

— Хорошо. Я расскажу тебе всё... — вздохнула я. Голос был чужим даже для меня. — Но ты напишешь всё как есть.

Венера с облегчением вздохнула:

— Конечно.

Мы поднялись на третий этаж, в мой домашний кабинет. Это была не та комната для гостей. Здесь всегда царил полумрак; тяжёлые бархатные шторы были вечно задёрнуты, пропуская лишь узкие полоски пыльного света, в которых плясали пылинки — словно души давно умерших мыслей. Стены заставлены стеллажами из тёмного дуба, прогибающимися под весом книг. Здесь пахло старой бумагой и чем-то ещё... похожим на запах озона после грозы или серы из преисподней.

Я опустилась в глубокое кожаное кресло — оно скрипнуло подо мной, как стон больного животного.

Венера достала из воздуха ноутбук; его чёрный матовый корпус был холодным на вид, а экран ядовито засветился синим светом, от которого тени в углах стали ещё чернее и гуще.

«— Начинай, когда будешь готова», — произнесла она.

Я вздрогнула. Мои пальцы впелись в подлокотники так сильно, что побелели костяшки. Кабинет вдруг показался мне клеткой, а светящийся экран ноутбука — глазом неведомого хищника, который ждал моей исповеди.

Я начала говорить.

Глава 1. Возвращение.

Первые лучи рассвета робко пробивались сквозь жалюзи, разрезая полумрак палаты тонкими полосками света. Я медленно открыла глаза. Голова была тяжёлой, мысли — вязкими, словно туман. Попыталась пошевелиться, но тело отозвалось тупой, ноющей болью, будто меня долго и методично били.

Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь мерным, механическим писком приборов. Этот звук был ровным, бездушным, и он ввинчивался в мозг, как сверло дантиста. Палата была чужой, стерильной, совершенно пустой. Воздух пах хлоркой и чем-то ещё... чем-то сладковатым, похожим на запах увядших цветов в морге.

С трудом сфокусировала взгляд на потолке — идеально белый, без единой трещинки или пятнышка. Затем повернула голову к окну. За стеклом мир только просыпался, окрашивая небо в нежные розово-золотые тона. Но эта красота казалась издевательством. Она была там, снаружи, а я была здесь, запертая в этой коробке из кафеля и боли.

Память возвращалась урывками, обрывками киноплёнки, которую кто-то порвал и склеил в случайном порядке. Вот она смеётся с подругами в шумном баре... Нет, не так. Это был не смех, а визг. Вот холодный воздух улицы обжигает лицо, а вот я иду по ночной дороге, пытаюсь поймать такси. Последнее, что осталось в сознании — ощущение абсолютного, всепоглощающего одиночества и тусклый, грязный свет фонарей. А дальше — темнота. Вязкая, чёрная пустота.

Я прикрыла глаза, пытаюсь ухватить ускользающие детали, но боль лишь усилилась, пульсируя в висках в такт писку аппарата. Сколько я здесь? День? Неделю? Что случилось? Вопросы роились в голове, как мухи над падалью, не находя ответов.

Внезапно тишину нарушил мягкий скрип двери. Звук был тихим, но в этой ватной тишине он показался мне оглушительным. В палату вошла женщина — высокая, стройная, с рассыпавшимися по плечам светлыми волосами, собранными в небрежный пучок. Белый халат сидел на ней идеально, но в её движениях не было той казённой суеты и усталости. В ней чувствовалась уверенность и спокойная сила.

— Проснулись? — её голос был тихим и удивительно мягким. В нём не было фальшивой бодрости или профессионального безразличия. Только искреннее участие. — Как вы себя чувствуете?

Я попыталась ответить, но из горла вырвался лишь сухой хрип. Я сглотнула, чувствуя саднящую боль.

— Где... я? — слова дались с трудом, царапая горло.

Она подошла ближе и мягко коснулась моей руки. Её ладонь была тёплой и уверенной.

— Вы в городской больнице Святого Луки. Меня зовут Клара. Я ваш лечащий врач.

Я попыталась сфокусировать на ней взгляд. В её глазах не было холода или оценки. Только спокойная доброта и лёгкая тревога.

— *Что... случилось?* — снова спросила я.

Клара чуть нахмурилась:

— *Вас нашли на старой объездной дороге, далеко за городом. Вы были без сознания и в очень тяжёлом состоянии. Переохлаждение, сильное истощение и травма головы. Кто-то из водителей заметил вас и вызвал «скорую». Мы не знаем всех деталей случившегося.*

Я не помнила ни дороги за городом, ни того, как там оказалась. Я помнила только пустую дорогу и одиночество.

Я снова посмотрела в окно. Небо уже не было розовым. Оно стало серым, свинцовым.

Клара заметила мой взгляд и улыбнулась ободряюще:

— *Не пытайтесь сейчас всё вспомнить сразу. Это нормально после такой травмы и стресса. Память вернётся постепенно.*

Она поправила мне одеяло.

— *Отдыхайте. Вам нужен покой.*

— *Подождите!* — окликнула я её хрипло. *Голос был слабым, как у котёнка. — Моя сумка... телефон... Где мои вещи?*

Клара остановилась в дверном проёме и снова тепло улыбнулась:

— *Не волнуйтесь об этом сейчас. При вас был только телефон. Он не здесь. Его изъяла полиция для выяснения обстоятельств. Как только они закончат проверку, вы сможете его забрать.*

Она вышла так же тихо, как и вошла.

Я осталась одна.

И впервые с момента пробуждения я почувствовала не только боль и растерянность.

Я почувствовала странное облегчение.

Потому что Клара была добра ко мне. И потому что кто-то нашёл меня там, на пустой дороге.

Но где-то глубоко внутри всё ещё сидел холодок сомнения. Я не помнила дороги за городом. И я не помнила ничего из того, что привело меня туда. А память... она возвращалась урывками, словно кто-то специально вырезал самые важные кадры из фильма моей жизни.

Прошла неделя с того момента, как я открыла глаза. Дни тянулись медленно, наполненные уколами, процедурами и редкими, но такими важными разговорами с Кларой. Я уже не чувствовала себя беспомощным телом, подключённым к аппаратам. Ко мне возвращались силы, а вместе с ними — и острое, почти болезненное желание жить дальше. Словно я вынырнула из тёмной воды на поверхность и теперь жадно хватала ртом воздух.

Клара стояла у окна, просматривая последние анализы. Свет падал на её лицо, подчёркивая морщинки усталости в уголках глаз. Она хмурилась, взвешивая риски. Переводить пациентку в обычную палату было рано, сердце всё ещё давало сбои, но держать её в реанимации дольше положенного срока тоже было нельзя. Это было против правил. Против логики. Но Клара привыкла доверять не только сухим цифрам на мониторе, но и своему чутью. А чутьё кричало ей, что Еве нужно больше покоя, чем суеты общих палат.

Решение о переводе далось ей с трудом. Она подписала бумаги, ощущая тяжесть ответственности, словно это был смертный приговор или помилование. Когда меня

устроили уже в новой, отдельной и просторной палате, где воздух не пах так сильно антисептиком, а из окна был виден не кирпичный брандмауэр соседнего здания, а кусок серого неба и верхушка старого тополя, дверь снова открылась.

На пороге стояла женщина. Не медсестра и не врач. В её движениях была какая-то особая, выверенная точность. Тёмное пальто, неброский, но дорогой шарф и взгляд. Взгляд человека, который привык видеть чужую боль и не отводит глаз. Она не улыбалась.

— Ева? — её голос был низким, чуть хриловатым. — Меня зовут Вера Соколова. Я следователь.

Она показала удостоверение, но я даже не стала вглядываться в буквы. Я просто кивнула. В палате повисла тишина. Клара, которая собиралась уходить, замерла в дверях.

— Я бы хотела задать вам несколько вопросов, — продолжила Вера, подходя ближе и аккуратно ставя на тумбочку небольшой диктофон. — Если вы, конечно, в состоянии говорить.

Я снова кивнула.

Вера села на стул рядом с кроватью. Её глаза, серые и холодные, как речная галька, внимательно изучали моё лицо. Она не торопилась. Она ждала.

— Что вы делали на старой объездной дороге в ту ночь? — наконец спросила она. Вопрос прозвучал буднично, словно она спрашивала о погоде.

Я сглотнула. В горле пересохло.

— Я... я не помню, — мой голос был слабым шёпотом.

Вера едва заметно кивнула, словно именно такого ответа она и ожидала.

— Постарайтесь вспомнить хоть что-нибудь. Хоть какую-то деталь. Куда вы ехали? Или, может, от кого-то убежали?

Я закрыла глаза, пытаюсь пробиться сквозь пелену забвения. В голове мелькали обрывки: холодный ветер, свет фар в спину, тёмная стена леса по обе стороны дороги... И что-то ещё. Что-то тёмное и страшное, что пряталось в этой темноте. Но как только я пыталась ухватиться за это воспоминание, голову пронзала острая боль.

— Ничего... простите... ничего не помню.

Вера выключила диктофон. Щелчок прозвучал неожиданно громко.

— Ничего страшного, — сказала она, но её голос не вязался с жёстким блеском в глазах. — Память — штука коварная. Иногда она возвращается тогда, когда её совсем не ждёшь. Иногда... она возвращается с ночными кошмарами.

Она встала.

— Отдыхайте, Ева. Набирайтесь сил. Мы ещё поговорим.

Она направилась к двери, но остановилась, словно что-то вспомнив.

— Ваш телефон у нас. Там нет ничего... подозрительного. Но если вы вспомните пароль от него или от почты... это могло бы нам помочь.

Я покачала головой. Пароль? Почта? Всё это казалось таким далёким и неважным сейчас.

Вера ушла, оставив после себя лишь запах терпких духов и ощущение тревоги. Клара подошла ко мне и мягко коснулась плеча.

— Не переживай из-за неё. Тебе нужен покой.

Я посмотрела на неё с благодарностью. Клара была моим якорем в этом бушующем море неизвестности. Но слова следователя о кошмарах... они запали мне в душу.

Потому что они уже начались.

Просто я боялась ей об этом рассказать.

День прошёл быстро. Он был наполнен тихим, больничным бытом: капельницами, запахом жидкого больничного обеда, который я едва тронула, и мерным, усыпляющим гулом города за окном. Вечерний обход Клара начала с моей палаты. В руках у неё была карта, но смотрела она не в неё, а на меня. В её взгляде читалась профессиональная тревога, смешанная с чем-то очень личным, почти материнским.

— У меня для тебя хорошие новости, — сказала она, присаживаясь на край стула. Её голос был мягким, но в нём слышались стальные нотки врача, который привык сообщать и плохие вести. — Я открыла к тебе посещения.

Она сделала паузу, внимательно наблюдая за моей реакцией. Она ждала. Искала в моих глазах хоть проблеск узнавания, хоть искру памяти.

— Завтра приедет твоя подруга Луиза.

Луиза. Я попыталась напрячь голову, пробиться сквозь плотный туман забвения. Имя было знакомым, как мелодия из далёкого прошлого, но лицо... лицо оставалось размытым пятном. Я покачала головой.

— Я.. не помню.

Клара не стала настаивать. Она лишь кивнула с понимающим видом профессионала, который знает: всему своё время. Но в тот момент, когда имя «Луиза» растворилось в стерильном воздухе палаты, из глубин памяти всплыло другое. Оно ударило меня, как электрический разряд. Не имя. Ощущение.

Тёплые детские ладошки. Запах сладкой ваты и шампуня «без слёз». Тихий смех.

Мики.

Это был не просто образ. Это была физическая боль в груди, острая и режущая. Мой сын.

Я резко села на кровати, игнорируя головокружение. Паника ледяной волной охватила меня с ног до головы.

— Клара! — мой голос сорвался на крик. — Где мой сын? Где Мики?!

Клара тут же оказалась рядом, её рука легла мне на плечо, пытаясь успокоить.

— Тихе-тише, Ева. Всё хорошо. Дыши.

— Он в порядке? С ним всё хорошо? Почему он не здесь?! — я задыхалась от ужаса, представляя самое страшное.

Клара дождалась, пока первая волна паники схлынет, и заговорила ровным, успокаивающим тоном:

— С Мики всё хорошо. Он в безопасности.

Я вцепилась в её руку.

— Тогда почему... почему он не со мной?

Клара вздохнула и села обратно. В её глазах была глубокая печаль.

— Ева... когда тебя нашли, при тебе не было никаких документов. Мы не знали, кто ты, не знали о сыне. Полиция начала поиски твоих родственников только через несколько дней. Луиза... она пришла в участок сама, как только увидела новости о тебе.

Слово «Луиза» теперь обрело плоть. Я всё ещё не помнила её лица, но я чувствовала тепло её присутствия в этой истории.

— Она... с ним?

Клара кивнула.

— Да. Она забрала Мики к себе сразу же. Она очень тебя любит и очень испугалась за мальчика.

Тяжёлый камень упал с души. Он не у какой-то злой мачехи или холодного мужа. Он у подруги. У Луизы.

Я откинулась на подушку, чувствуя, как слёзы текут по вискам, но теперь это были слёзы облегчения.

— Я хочу увидеть сына.

— Я знаю, — тихо ответила Клара и сжала мою руку. — Мы сделаем всё возможное. Но сначала тебе нужно поправиться.

Она встала и выключила верхний свет, оставив лишь тусклый ночник у двери.

— Отдыхай. Завтра придет Луиза. И она привезёт с собой кое-что очень важное для твоего выздоровления.

Дверь за ней закрылась почти бесшумно.

Я осталась одна в полумраке палаты. За окном гудел город, живущий своей жизнью. А я лежала и смотрела в потолок. Имя «Луиза» больше не было пустым звуком. Оно стало якорем, связывающим меня с реальностью и с моим сыном.

Он был там. С ней. В безопасности.

И эта мысль была единственным светом в холодной темноте моей памяти.

Под тщетные попы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.